

«МАЛАЯ ЛИТВА» ПОСРЕДИ БОЛЬШИХ ТЮМЕНСКИХ БОЛОТ: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ, ПАМЯТЬ, НАСЛЕДИЕ

В. П. Ключева

ТюмНЦ СО РАН, Институт проблем освоения Севера, Малыгина 86, Тюмень, Россия
vormpk@gmail.com

Р. Чепайтене

Институт Истории Литвы, Кражю 5, Вильнюс, Литва
geokdepe@gmail.com

В статье рассматривается участие литовских трудовых мигрантов (дорожников и строителей) в освоении Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1980-е - сер. 1990-е гг. В основе исследования лежит кейс, посвященного истории Дорожно-строительного управления организованного литовским министерством специально для создания инфраструктуры в г. Когалыме (Тюменская область, ХМАО-Югра). Источниками статьи послужили эго-документы (личные архивы, опубликованные воспоминания и интервью участников событий), дополненные материалами СМИ. В основе используемой методологии лежит теория коллективной памяти Я. Ассмана. Сделан вывод о том, что в литовском и российском сообществах память сохраняется прежде всего на узколокальном уровне, среди тех, кто был очевидцем и участником событий. Причины этого могут находиться в политических и социально-культурных дискурсах. Но уже можно говорить о разрыве передачи памяти, когда трансляция событий следующим поколениями не происходит или происходит частично. Можно утверждать, что анализируемый кейс является примером парадокса, когда память о жизни в северном городе не является травматичной, и поэтому она почти не воспроизводится в публичном дискурсе и оказалась подверженной забвению.

Ключевые слова: трудовая миграция, культурная и коммуникативная память, урбанистика, Литва, Тюменский север, Когалым

*Зарос когалымский песок
Живительной литовской травой.
Пробежало четыре уж года.
Вырос город над тайгой.
Мы проведем тут широкую дорогу.
И скоро вернемся назад.
Дома, вспомнив строительство,
Может, чуть-чуть вздохнем,
А тут оставим на память
Часть своей Литвы.*

авт. Галина Боймиструк

Этот текст мог бы стать типичным примером социально-экономического подхода с небольшим экскурсом в социальную антропологию и культурную географию, если мы бы не решили все усложнить. Материальные и символические следы трудовых миграций в контексте советской модернизации, сохраняющиеся в ландшафте современной России и объединяющие таким образом ныне независимые страны постсоветского ареала, сами по себе достойны глубокого анализа, который по ряду разных обстоятельств превращается в настоящий транскультурный и

транснациональный детектив. Но важно при их изучении найти точку отсчета, которая позволит «раскрутить» подобного рода исследования. В нашем случае отсчет начинается в городе Когалым (Россия, Тюменская область, Ханты-Мансийский округ). На географической карте города, сейчас известного как штаб-квартира нефтяной компании ЛУКОЙЛ, можно увидеть довольно много названий, имеющих отношение к Прибалтике, такие как улицы *Прибалтийская*, *Янтарная*, *Вильнюсская* или поселок *Прибалтийских строителей*. Более того, на ментальной карте города когалымчане легко отмечают, где находятся «эстонские» и «литовские» дома, бывший ДК «Янтарь», кафе «Медвежонок/Meškiukas». Что же связывает далекий северный город с Каунасом, Вильнюсом, Ригой, Таллинном? Ответ лежит на поверхности – все эти названия напоминают о людях, которые в последнее десятилетие существования СССР приезжали осваивать западно-сибирский нефтегазовый комплекс. Добавим, что подобные урбанонимы можно найти во многих городах Тюменского Севера, например в Нягани есть улицы *Ташкентская*, *Киевская* и *Молдавская*, а в Лянторе – улица *Эстонских дорожников*.

Существование таких названий улиц наводит на мысль о потребности в сохранении памяти и наследия периода постройки северного города, начавшегося за десятилетие до распада Союза в контексте практического применения советской доктрины «дружбы народов». Однако материальные отсылки к истории города, сохраняющиеся в современной публичной памяти Когалыма, хотя и связываются местными жителями с первыми строителями, но информация о них отрывочная. Даже современные обитатели Прибалтийского поселка не могут точно сказать, почему поселок и улицы носят такие названия. Причин такого забвения может быть несколько. Одна из вероятных – частая смена населения и отсутствие передачи знаний об истории города. Существующее в городе общество «Первопроходцев Когалыма» пытается отстоять свое право на память о тех, кто поставил первые палатки в 1976 г., но те, кто приехал строить сам город и дороги, остаются фигурами умолчания. О другой причине, связанной со сменой этапов развития города (от строителей к нефтяникам) мы упоминаем в дальнейшем.

В свою очередь сибирская тема в современной политике памяти Прибалтийских стран ограничивается акцентированием коллективной травмы сталинских репрессий и ГУЛАГ'а [Чепайтене, 2013, С. 241-246], а об участии «прибалтов» в трудовых миграциях послесталинского периода мало известно даже историкам. В основном следы этой памяти сохраняют люди – прямые участники и свидетели событий, - но она тоже фрагментарна, отрывочна и никоим образом не актуализирована в публичном и

научном дискурсе. Поэтому наше исследование посвящено анализу «Когалымского проекта», как интересного случая позднесоветских трудовых миграций и северной урбанизации, фокусируясь на участии литовской стороны при строительстве города. Наш первичный замысел более детально исследовать прибалтийскую тему в условиях трудовых миграций на тюменский Север в позднесоветский период пока вынужден ограничиться лишь литовской стороной, так как, к сожалению, нам не удалось найти латвийских и эстонских респондентов – свидетелей событий. Другим препятствием для такого, более объемного исследования, послужил и языковой барьер. Трудно сказать, насколько другие, нами по ряду объективных и субъективных причин неиспользованные материалы, повлияли бы на ход и выводы нашего исследования, но надо заметить, что литовские дорожники и строители составляли большую долю прибалтийских трудовых мигрантов на тюменском Севере, по-этому интерес к ним может отразить общую тенденцию «освоения» инфраструктуры.

Нам важно не только проанализировать основные моменты и особенности социо-экономической истории трудовых миграций на примере создания логистической и социальной инфраструктуры города Когалыма, но и выявить *образы инаковости*, сложившиеся как в среде местных северян, так и у прибалтийских строителей и дорожников (в основном, литовцев). А также выяснить, какие формы репрезентации приобретали впечатления как в публикациях республиканских и региональных журналистов, бывавших в городе и напрямую следивших за событиями, так и в нынешней памяти наших респондентов. Нас особенно интересует, что тогда воспринималось как «экзотика» и попадало в поле внимания, а что осталось за его пределами, как обычное, обыденное и «неинтересное», возможно из-за того, что местных и приезжих уже «накрывала» общая советская культура и смыслы? Эти сложившееся в те годы интерсубъективные образы различий (и сходства) Сибири и Прибалтики позволят нам более детально ощутить грани реального и воображаемого в «великом советском мифе о дружбе народов» и об особенностях его применения в специфических ситуациях позднесоветского периода.

Для анализа источников мы привлекаем прежде всего материалы устной истории (интервью с современными когалымчанами и литовцами, работавшими в 80-е годы на этой территории). Эти материалы дополнены статьями в региональной (тюменской и литовской) прессе, опубликованными воспоминаниями, и фотографиями из фонда Когалымского краеведческого музея и личных коллекций информантов. Особо следует остановиться на книге «Kelias» (Дорога) Годы Яноните-Янкаускене (1940-2018 гг.) как основном опубликованном источнике по истории Дорожно-

строительного управления № 12 (ДСУ-12) в Западной Сибири. Будучи женой начальника управления инженера-мостостроителя Антанаса Янкаускаса и непосредственным участником событий, автор подробно описывает повседневность литовских дорожников и свои впечатления от Западной Сибири, где ее семья провела семь лет. Большая часть документальных и визуальных источников в научный оборот вводится впервые.

При анализе материальных следов и воспоминаний о пребывании прибалтийских строителей и дорожников на тюменском Севере, мы ориентируемся на теорию коллективной памяти Яна Ассманна, особенно на предложенное им различие между «миметической памятью», «памятью объектов», т.е. материальном окружении социального мира, «коммуникативной памятью», передаваемой через три-четыре поколения при помощи прямого и непосредственного общения, и наконец, «культурной памятью» [Assmann, 1992, S. 20-21; Assmann 2008, 109-118]. Последняя формируется посредством ритуальных практик и «твердых» объектов репрезентации, таких как мемориалы, памятники, культурные ценности и пр.

Позднесоветский период, как и сами трудовые миграции, еще не стали достаточно интересными для российских историков, тем более трудно их актуализировать и в контексте нынешней политики памяти. Тем временем в Литве из-за особенностей нынешней мемориальной культуры, представляющей России исключительно как агрессора и оккупанта, а советский период в основном как «потерянное время», нет места для более нейтральных или позитивных интерпретаций того, что в литовском публичном дискурсе называется *sovietmetis* (советское время). Таким образом с обеих сторон этому сюжету скорее всего грозит равнодушие или забвение. Большая часть литературы об индивидуальной и коллективной памяти обращает внимание на то, что процесс *забвения* является интегральной частью воспоминания. Как и воспоминание, которое не есть лишь простое архивирование следов прошлого, забвение тоже активно принимает участие в процессах культивирования и очищения памяти от «ненужных» или «неценных» элементов [Harrison 2012, p. 167]. По словам П. Рикёра, забвение по существу остается внушающей угрозой, которая вырисовывается на заднем плане феноменологии памяти и эпистемологии истории [Рикёр, 2004, С. 573].

Похожая ситуация и с восприятием материальной памяти. Тут тоже надо делать различие между понятиями «наследия» и «наследства». Если «наследство – это все то, что нам оставляет прошлое, а наследие – это то, что мы из этого наследства выбираем для собственного пользования и храним для будущего» [Bučas, 1993, p. 6], то очевидно, что для успешного завершения процесса наследования (франц. *patrimonialisation*, англ.

heritage creation) нужно соблюсти несколько условий. По мнению французского исследователя Жана-Мишеля Ленье, который определил наследование как процесс признания материальных останков прошлого культурной ценностью, этими условиями являются: 1) старение и потеря утилитарной ценности объекта, которые становятся претекстом его наследования; 2) объект должен отличаться редкостью и сохранностью, а это зависит от случайностей исторического процесса; 3) он также должен соответствовать своеобразным критериям оценки (иметь историческую, художественную и т.д. ценность); 4) вещи прошлого становятся объектами наследия из-за ассоциаций с важными событиями или личностями; 5) надо, чтобы ими заинтересовалась определенная социальная группа – *медиатор-инициатор* наследования. Ею может стать сообщество краеведов, представители муниципалитета, в крайнем случае – даже влиятельное физическое лицо [Leniaud, 1992, р. 3-4]. Но кто в нашем случае мог бы стать такой группой-инициатором унаследования и на какие аргументы опираться? Дистанция с позднесоветским периодом все еще проблематична, а административная сфера охраны культурного наследия до сих пор ориентирована на сохранение исключительных, архитектурно или художественно наиболее ценных объектов [Чепайтене, 2016, С. 15] не способна видеть ценность в типовых зданиях массового строительства, уж не говоря о следах инфраструктуры, оставшиеся в нынешнем ландшафте российского Севера. Несмотря на эти трудности, наше исследование можно считать первой попыткой, опирающейся на конкретный случай, нащупать противоречия и взаимосвязанность *истории-рассказа, воспоминания-забвения и наследства-наследия*.

Участие прибалтийских республик в строительстве Когалыма в контексте северной урбанизации

Урбанизация северных территорий - во многом уникальное явление в советском градостроении. Первыми нефтяными городами в 1965 г. стали поселки Сургут и Урай. Ежегодно численность городов увеличивалась. В 1985 г. статус города получили поселки Когалым, Лангепас, Радужный и Нягань. Всего на севере Западной Сибири за время ее нефтегазового освоения появился 21 город.

Также как и многие северные города Тюменской области, Когалым начал застраиваться по градостроительному плану «с нуля», будучи еще поселком Когалымский. Подтверждением этому стало закрепление в речи когалымцев противопоставления «поселок» и «город». Железнодорожная станция с поселком Когалымский возникает в 1976 г., статус города ему присваивают в 1985 г. Жилищное

строительство в пос. Когалмыском началось уже в начале 1980-х гг. Проектирование осуществлял институт «Ленгипрогор», в качестве субподрядчика выступал филиал Каунасского института проектирования городского строительства. Строительной площадкой для возведения города стала территория в семи километрах от железнодорожной станции.

Современная научно-популярная литература с гордостью упоминает о привлечении к созданию города строителей из разных концов СССР. «Благодаря прибалтийским и азербайджанским строителям Когалым в градостроительном плане – город неординарный: везде царит архитектурное своеобразие, улицы просторны и воздушны» [Фистик, 2006, С. 92]. Уникальность строительства будущего города подчеркивалась уже в 80-е гг.: «Наш поселок особенный, единственный в своем роде... <...> Для Когалыма с самого начала был разработан генплан, в котором учтены новейшие достижения урбанистики» [Szejnberg, 1985, s. 3]. Эта цитата приведена в польскоязычной газете, издающейся в Литве. Таким образом, привлекательность Тюменского севера пропагандировалась среди всего советского населения. Выбор издания также легко объясним, т.к. первые строительные бригады приехали именно из прибалтийских республик, Литовскую ССР представляли СМП-1 и ДСУ-12, Эстонскую – СУ-7, Латвийскую – ПМК-177. Общая численность приезжих за полтора десятилетия (с 1980- ~1996 г.) составляла примерно четыре тысячи человек, большинство из них – литовские дорожники и строители из Вильнюса и Каунаса [Петрушин, 2015, с. 73-75].

Тема урбанизации Тюменского Севера была и остается популярной в российском сибиреведении. Краткий обзор работ, посвященных теме северного градостроения в советский и постсоветский период приведен в монографии И.Н. Стась [Стась, 2016, с. 19-64]. Если тема «нефтяной» урбанизации в целом достаточно разработана в российской историографии, то этническая компонента освоения нефтегазового комплекса и, в целом, трудовые миграции в позднесоветский период остаются *tabula rasa* для специалистов. О работе прибалтийских строителей на территории Тюменского севера встречаются единичные упоминания. Например, Я.М. Каган пишет, что «привлечение строителей Украины и Белоруссии, Прибалтийских республик, Москвы и Ленинграда и других, безусловно, являлось эффективной мерой в развитии работ, придало новый толчок качеству строительства» [Каган, 1987, с. 351]. Чуть подробнее о литовцах упоминает И. Стась, анализируя миграционные процессы в ХМАО в 1960-80-е гг. Он также повторяет тезис Кагана о привлечении строительных управлений из разных регионов страны, упоминая среди прочих литовцев в г. Когалыме [Стась, 2017, с. 134-140]. Больше информации

присутствует в опубликованных воспоминаниях жителей Тюменского севера, где они рассказывают в том числе о людях, с которыми встречались во время жизни в Когалыме [*Когалым – транзит...*]. Но повторимся, такие упоминания также не носят систематического характера.

В 1970-80-е годы в освоении Тюменского Севера принимали участие все советские республики, что и создало основу для современной многонациональной составляющей населения региона. Однако в отличие от украинцев, армян и азербайджанцев, большинство которых осталось жить в этом регионе, – эстонцы, латыши и литовцы во время или после распада СССР почти все выехали на родину. Нужно отметить, что проект помощи Тюменскому Северу со стороны прибалтийских республик имел прагматическую основу, был своеобразным экономическим бартером: мы вам строим инфраструктуру, а вы расплачиваетесь нефтью и газом, которые поступали на нефтеперерабатывающий завод в Мажейкяй, расположенный на северо-западе Литвы, который обеспечивал нефтепродуктами весь Прибалтийский регион. Поэтому «когалымскому проекту» и уделялось столь много внимания, финансовых средств и других ресурсов со стороны руководства этих республик.

Первыми «прибалтами», приехавшими строить дороги, в 1980 г. стали работники ДСУ-12 под руководством А. Янкаускаса. Они обосновались неподалеку от железнодорожной станции Когалым (в нескольких километрах от будущего города), чтобы было можно следить за грузами, привозимыми из ЛитССР. Такое решение оказалось стратегически точным: резко сокращались сроки начала работ на месте и экономились средства на транспортировку стройматериалов. Прибалтийские дорожники были опытными строителями, качество их работы оценивалось очень высоко. В «когалымский проект» отбирались только лучшие специалисты. Надо отметить, что полученный в северных условиях опыт строения дорог через болота позже пригодился и в самой Литве. Одновременно с реализацией «когалымского проекта» те же дорожники проложили сложный 15-километровый отрезок автомагистрали Вильнюс-Клайпеда, проходящий через болота в окрестностях городка Ретавас [*Janonytė-Jankauskienė*, 2001, p. 135].

Рекламный проспект министерства автомобильного транспорта и шоссейных дорог ЛитССР о прагматической стороне дела упоминает косвенно, напирая на чувство патриотического долга: «Едва в республике стало известно о необходимости специалистов-дорожников для Западной Сибири, как в дальнюю дорогу собрались те, кого позвала не только романтика, но и чувство долга» [*Дорога к нефтяным кладовым*, 1985, с. 4]. Отметим, что в основе мотивации работников лежал все-таки материальный

интерес (высокая зарплата, приобрести квартиру, купить машину), романтические устремления находились на втором месте [Kazlauskaitė, 1980, p. 4], на это указывают и наши респонденты. По словам одного из них: *«были молодыми – хотелось и романтики, и проверить себя в экстремальных условиях, и хорошо заработать»* (А.Г., муж; Каунас, 2018 г.). Сочетание профессиональной репутации и романтического желания «проверить себя», а так же высокой оплаты были типичны для большинства «новых» северян 80-х гг. XX в. [Клюева, 2016. с. 197-209; Агапов, Клюева, 2018, с. 6-84].

Можно утверждать, что литовцы сильно ощущали важность своей миссии. По словам министра Автомобильного транспорта и шоссе ЛитССР Ивана Чистякова, не раз посещавшего Когалым, литовские дорожники выделялись особым качеством работ, были лучшими среди дорожников других республик, в соревнованиях обогнавших эстонцев, с которыми тесно общались. Работа дорожников отличалась не только качеством и изобретательностью (А. Янкаускас был уверен, что проведенные трассы будут называть «литовской дорогой», поэтому нельзя халтурить), но и чистотой (на обочине не оставляли отходы от стройматериалов, вырубленные деревья и т.д., насыпи по сторонам дороги засеивали травой, что также укрепляло трассу и что другие дорожники не делали, да и еще возмущались подобной скрупулезностью). Разумеется, здесь присутствовало и желание произвести впечатление на окружающих, показать себя с лучшей стороны. В этом были заинтересованы не только республиканское руководство, но и сами участники строек, нашедшие возможность блеснуть своей «инаковостью», почувствовать себя представителями более развитой культуры. Об этом не раз упоминается и в книге Г. Яноните-Янкаускиене. Например, она описывает столкновение литовских дорожников с местными практиками строительства дорог, которые оказались неэффективными, а результат – некачественным (участки пути от перепада температур проседали, проваливались в болото), но такое положение считалось естественным, а брак – неизбежным. Выход был найден в изобретении собственной, надежной технологии прокладки дорог, что по результативности работы вывело ДСУ-12 на первое место среди коллег из других республик [Janonytė-Jankauskienė, 2001, p. 128-129]. «Трудно объяснить, откуда бралась эта движущая сила, из-за которой работа выполнялась качественно и вовремя. Положительные результаты получались не только из-за хорошей оплаты – деньги и материальное вознаграждение были не единственным стимулом высококачественной работы. Хорошим результатам были рады сотрудники управления, их скоро заметили заказчики, коллеги из других организаций» [Janonytė-Jankauskienė, 2001, p. 127] - писала она в своих воспоминаниях.

Тут мы имеем дело со своеобразной *аккумуляцией доброй репутации*, появлению и поддержке которой способствовали хвалебные публикации о работе «наших посланников» в республиканской и в региональной прессе, а ее потеря могла стоить дорого.

В дискурсе первопроходцев Когалыма встречается убеждение, что для самих «прибалтов» приезд на север воспринимался как подвиг, который вознаграждался после возвращения на родину. Тогда как остальные трудящиеся такой поддержки со стороны «территории выхода» не имели. *«Их же снабжали прямо с Прибалтики, они вообще были все героями, понимаете? Они, закончив три года здесь, получали в Вильнюсе, например, квартиру и машину. Чего нам никто не обещал никогда. Они героями приехали сюда, понимаете?»* (Т.Г., жен., Когалым. сент. 2017 г.).

Каждая организация самостоятельно принимала решение, какой метод использовать при проведении работ – вахты или постоянное проживание. В большинстве случаев, управления предпочитали вахтовый метод, т.к. его использование не предполагало строительства дополнительной социально-бытовой инфраструктуры. Однако в большинстве случаев явочным порядком вахтовые поселки перерастали в постоянные. Здесь примером могут служить вахтовки на Ямбурге или строительство г. Радужный. Прибалтийские управления также выбирали разные варианты. Например, эстонцы, работавшие в Сургутском районе и Когалыме предпочитали вахтовый метод (месяц работать на Севере, месяц жить дома). Литовцы же предпочли построить капитальный поселок. В этом заслуга руководителя ДСУ-12 – А. Янкаускаса.

Производственная база ДСУ-12 и жилой поселок были спроектированы Государственным институтом исследования и проектирования автомобильных путей ЛитССР. В поселке за 5 лет (1980-1985 гг.), рядом с жилыми одноэтажными и двухэтажными домами–коттеджами были построены административное здание Управления, дом культуры, гостиница, поликлиника, спортивный комплекс с закрытым бассейном, сауна, предприятия бытового обслуживания и коммунальных услуг, магазин, столовая-кафе, собственные теплицы, обеспечивающие работников ДСУ-12 свежими овощами, цветами и зеленью круглый год, что тогда было невиданно в этих краях [Marcinkevičius, Ščiavinskas, 1988, p. 12-13]. Здесь же работали детский садик «Ažuolas/Дубок» и начальная школа, которая напрямую подчинялась министерству образования Литвы [Juodytė, 1985, p. 4].

История появления школы в поселке свидетельствует о долгосрочных стратегиях литовцев в отношении жизни на Севере. В первые же годы приезжим приходилось

решать «детский вопрос» - либо привозить детей в Когалым, либо оставлять их в Литве у родственников. Малыши могли ходить в детский сад в самом поселке, но дети постарше должны были учиться в русскоязычной школе. И это вызывало проблемы потом по возвращению в республику, где школьное обучение было преимущественно на литовском языке. Чтобы дети имели возможность учиться на родном языке, была открыта литовская начальная школа. И, несмотря на то, что для школы была отведена лишь одна комната в детском садике, ее открытие отмечалось всем управлением как большое событие, с духовым оркестром, цветами и т.д. [Juodytė, 1985, p. 2]. Подобное решение показывает, что работа на Тюменском севере воспринималась как временная, в качестве постоянного или долгосрочного местожительства Когалым не рассматривался. Заметим, что другие семейные «прибалты» отдавали своих детей в городские школы, т.к. для них не было других вариантов обучения детей. Подтверждением этому факту служит воспоминание, что одной из наших респонденток, работавшей учительницей, о том, что в ее классе учились эстонские дети.

Очевидно, что в отличие от многих других «новых» северян, литовцы поощряли проживание семьями, хотя это требовало дополнительных расходов, но в результате эффективность труда оказывалась выше [Juodytė, 1985, p. 2]. Умело был решен вопрос подчинения и контроля разного рода работников ДСУ-12 и СМП-1, ведь в таких специфических условиях «когалымский проект» со стороны Литовской ССР курировали разные министерства (в их числе министерства здравоохранения, торговли, просвещения, культуры) и другие учреждения, поэтому, чтобы избежать бюрократического хаоса и неэффективности, было решено сотрудников, подчиненных этим ведомствам, оформить как работников управлений дорожников и строителей [Janonytė-Jankauskienė, 2001, p. 119]. Таким образом, литовцы в своем поселке сумели создать своеобразную экономическую и даже юридическую *автаркию*, которая по степени развитости инфраструктуры резко контрастировала с окружающим миром. На автономность ДСУ-12 и СМП-1 указывает и следующий факт: все официальные названия учреждений обозначались на литовском и русском языках (как и в тогдашней Литве; так было и в других прибалтийских управлениях). Связь с республикой поддерживали и частые визиты курирующих чиновников, журналистов, лекторов из общества «Žinija» (Знание) профессиональных и самодеятельных коллективов и отдельных артистов.

Присутствие «прибалтов» вскоре стало предметом гордости для жителей молодого населенного пункта. Ведь Прибалтика для них, как и для большинства

советских граждан, казалась наиболее экономически и культурно развитым регионом СССР – собственным «маленьким Западом», куда приятно приехать за покупками или на отдых [Зубкова, 2008, с. 4].

Образы инаковости

По своему внешнему виду Прибалтийский поселок сильно отличался от других временных рабочих поселков Западной Сибири. Подчеркивание его *инаковости* началось еще в 80-е годы. «Довелось увидеть здесь же, в окрестностях Когалыма, территории, какие нигде больше на Севере не встречались: зеленые газоны, легко и изящно огороженные стволами белоствольных берез, клумбы цветов, аккуратные дорожки. Это городки прибалтийских строителей. У каждого свое лицо: у эстонцев – продолговатые деревянные дома с белыми рамами, у латвийцев – строгие домики из кирпича, у литовцев – веселые теремки, выкрашенные в яркие цвета. <...> Устроились удобно и *эстетично*» [Гареева, 1985, с. 3]. По воспоминаниям Г. Яноните-Янкаускиене, Прибалтийский поселок прочие когалымчане шутя даже называли государством «Лилаэст» (Ли(тва)/Ла(твия)/Эст(ония), которое якобы завоевало Сибирь. А вот как территорию ДСУ-12 описывают современники: «В городке дорожников все напоминает о Литве. Деревянные домики с остроконечными крышами, покрытыми красной черепицей. Бревенчатые колодцы, плетенные изгороди. И даже фигурки аистов, свивших гнездо на колесе от старой телеги. <...> В жилом комплексе сейчас преобладают двухэтажки Алитусского ДСК. По проектам местных зодчих Альгиса Чеканаускаса и Ионаса Блашкявичюса построены оригинальное административное здание, столовая и спортивный комплекс. <...> Въезд в городок запрещен для грузового транспорта. Под охраной каждое деревце. Всюду ухоженные лужайки, цветники» [Роменский, Чернышев, 1985, С. 6]. В столовой подавались литовские национальные блюда, пекли черный хлеб [Barbaravičius, 1981, р. 4]. Журналисты даже называли ДСУ-12 «миниатюрной моделью нашей республики» [Juodytė, 1985, р. 2].

В Литве тип собираемых щитовидных домиков, которыми застроен Прибалтийский поселок, назывался «алитукай», «алитнамай». Этот тип индивидуальной застройки был разработан на Комбинате строительства экспериментальных домов в городе Алитус для модернизации села, как компромисс между желанием колхозников иметь индивидуальный дом и упором властей на типовое индустриальное строительство. Когалымцы же называли/называют их «финскими сборными домами» (Л.В., жен., Когалым, сент. 2017 г.).

Застройка поселка была иллюстрацией прибалтийского/литовского образа жизни

и отсылала к подобию «маленькой Литвы» как синониму «маленького Запада». Жители Когалыма считывали внешний облик поселка как пример *иной культуры*. Обратим внимание, что хотя информанты и используют коннотации *инаковости* и *чуждости*, они избегают оценочных суждений: *«а литовцы, у них другая культура была сразу. Они знают, если они ставили дом, то двадцать сантиметров от дома - стояла сосна. Она была сохранена. ... Эта вся природа – она вокруг. ... Дело в том, что культура – я вот говорю, они могли создать людям условия сразу. Понимаете, сразу. А наши всё стирали, а потом начинали создавать условия и тоже создавали хорошие условия, но сначала всё стерто, а потом...»* (Н.З., жен., Когалым, сент. 2017 г.).

«Культурный образ жизни» прибалтийских дорожников и строителей – как подтверждение цивилизованности «прибалтов» - постоянно присутствует в нарративах когалымцев: *«... это вытекало из общей культуры прибалтов. И там была чистота и порядок, газоны с зеленой травой поливались по трубкам! ... У литовцев коттеджи с высокими крышами. И хоть крыши крыты шифером, а не черепицей, но покрашены в разные цвета! На вопрос: «Зачем это?» они терялись с ответом. Им казалось, это и так понятно, что тут объяснять. Потом, пожав плечами, говорили: «А чтоб красиво было!»»* [Золотцев, 2001, р. 200]. В региональной тюменской прессе 80-х гг. также подчеркивается «особость» литовцев. *«...Про них говорят: "Прибалты себя любят". С уважением говорят, потому что видят, с какой хозяйской основательностью устраиваются они в тайге. Привыкнув природу беречь у себя на родине, стараются и на новоселье по возможности сохранить деревья. На Севере, взмахнув топором, следует помнить, что сосенке в вершок толщиной расти десятки лет»* [Туманов, 1981, с. 4].

Подобное отношение к окружающей среде в поселке Прибалтийских строителей было не случайно. Оно перенесено из традиционной народной культуры, в которой много внимания уделялось эстетике окружающей среды крестьянской усадьбы, ее взаимосочетанием с цветами, кустарниками, деревьями. А еще одной причиной была жалость к выросшим в суровых условиях деревьям [Barbaravičius, 1981, р. 7]. Т.е. тут мы имеем дело с иным уровнем экологического сознания, на что указывают и репортажи литовских журналистов из Когалыма, затрагивавших и экологическую тему: *«люди, которые не хранят природу, похожи на медведей в магазине фарфора»*. В статьях подробно описывалась частая проблема с утечкой нефти, экологические последствия таких техногенных аварий, хотя эти, более критические, статьи появились уже во время перестройки [Urbonas, Vėlyvis, 1987, р. 2].

В качестве примера восприятия природной среды можно процитировать интервью В.Казюлениса. Хотя оно относится к более раннему времени, но нам оно интересно

тем, что показывает как литовцы, даже находясь в тяжелых условиях, преобразовывали территорию проживания. Респондент и дядя А. Янкаускас были вместе депортированы в Тюменскую область в 1948 г. «...Потом построили домики. Из дома нам прислали семена цветов, чтобы около каждого домика посадить. У нас молодых девушек много было, а в Литве если девушка — как же у нее нету цветов?» [Артемяева, Рачева, 2018, с. 230]. Подобный же подход организации пространства можно увидеть и в когалымском поселке Прибалтийских строителей. Снова обратимся к материалам СМИ. Вильнюсская польскоязычная газета «Czerwony sztandar» цитирует слова заместителя председателя исполкома Сургутского райсовета Л. Конева: «С первых дней приезда по инициативе начальника управления А. Янкаускаса взято под охрану каждое деревце, каждый источник на территории будущего поселка. Точно продумано место каждого дома, каждого строения. Явным архитектурным акцентом стало здание конторы управления. Чистотой сверкает уютная столовая, где в субботние вечера проводятся дискотеки, пользующиеся огромной популярностью среди молодежи Когалыма. Играет собственный эстрадный ансамбль, духовой оркестр, работает хорошо обеспеченная библиотека. <...> Имеется плавательный бассейн, прекрасный спортзал, многочисленные секции и кружки...» [Szejnberg, 1985, s. 3].

Из благожелательных и даже зачастую восхищенных нарративов об «иных культурных традициях», описывающих внутреннюю жизнь в поселке Прибалтийских строителей выбиваются воспоминания, связанные с темой снабжения. «А рядом был поселок невероятной красоты – ДСУ-12. Европа какая-то. Там жили прибалты, у них были дома с остроконечными крышами. У них были магазины, где было все – даже газировка «Фиеста» и жвачка литовского производства. В магазин со стороны никого не пускали» [Баранова, 2011, с. 321].

Ситуация с обеспечением в районах нефтяного освоения была сложной [Гаврилова, 2015, с. 200-205]. Снабжение вахтовиков и рабочих, приезжавших из других регионов страны, чаще всего обеспечивалось через ведомственные управления и отделы рабочего снабжения (УРС и ОРС) Главтюменьнефтегаза, Тюменьгазпрома, Миннефтегазстроя. Для обеспечения литовских дорожников и строителей был свой собственный ОРС, который комплектовался через Министерство автомобильного транспорта и шоссе ЛитССР и через Министерство торговли ЛитССР. Не только литовцы, но и другие освоители получали значительную часть, а зачастую все товары из своих республик. Для когалымчан ведомственные торговые точки прибалтийских строителей были своеобразной витриной «Маленького Запада», не зря в цитате, приведенной выше, подчеркивается, что там продавались «даже газировка «Фиеста» и

жвачка литовского производства», т.е. блага, недоступные простым советским покупателям. Поэтому распространенный нарратив включает описание ассортимента и способов покупки там что-либо. Выглядеть это могло таким образом: «В поселке у прибалтов были свои магазины и свои карточки, они никого со стороны не пускали. Но в конце месяца, когда у них оставались излишки, кое-что доставалось и нам» [Митрофанов, 2011, с. 251].

Отметим, что запрет на продажу товаров «чужим» здесь характеризует практику ведомственного распределения, по которому в условиях дефицита «отовариться» могли только приписанные к этому ОРС'у. Хотя бывали исключения, так литовцы позволяли в своем магазине покупать хантам. А кроме этого, выдавались пропуска для других жителей – не работников конкретного предприятия, они также могли совершать покупки. Такие пропуска получали, например, учителя средней школы. *«Нам дали пропуска - у них же всё по пропускной системе. <...> Они друг другу ничего [не продавали]. Эстонцы не могли в латышском магазине ничего купить, литовцы в латышском магазине, латыши в литовском. Они ничего не могли приобрести»* (Т.Г., жен., Когалым. сент. 2017 г.).

В тогдашней литовской прессе «когалымскому проекту» уделялось большое внимание. Нефть и нефтепродукты по нефтепроводу «Дружба» (длиной около 3627 км) поступали на нефтеперерабатывающий завод в Мажейкяй. Поэтому рассказы журналистов часто начинались с подчеркивания важности этого проекта и героического труда принимающих в нем участие людей. В многочисленных репортажах литовских корреспондентов, посещавших Когалым в 80-е годы, Сибирь предстает как место удивительной дикой природы, место тайги и тундры [Kudarauskaitė, 1985, p. 2]. Первый взгляд на Сибирь – с высоты вертолета. Многие корреспонденты упоминают необычный ландшафт – сливающиеся воедино озера и болота. В некоторых публикациях очевиден и поиск исторических связей Литвы с Тюменским краем: упоминаются политические ссыльные времен царизма – повстанцы 1863 г., среди которых был и будущий известный ученый И. Черскис, исследовавший геологическую структуру Сибири; героиня Советского Союза М. Мельникайте, которая во время войны была эвакуирована в Тюмень и там работала на заводе (в ее честь названа одна из главных улиц города, есть и экспрессивный барельеф-мемориальная доска) и пр. [Blėda, 1986, p. 2].

Также обязательно обращается внимание на климат. Подробно, иногда даже шутливо, описываются сложные природные условия, холода, насекомые. Например, в стихах сибирская природа описывается так:

*Когда смотришь с верталета – блестит край озерами.
В побережьях растут ягодники,
Сосночки и березки.
А рыб! А грибов, грибов -
Невидал такой мощи!
Озерки, белый песок...
Паланга! Благодать!
Казалось бы, раздевайся и ложись...
Стой! Подожди, не будь растяпой –
Поймешь слишком поздно,
Когда закусает мошкара [Astrauskas, 1983, p. 21].*

Кореспонденты, гуляя по Когалыму, замечали, что он становится похож на жилые кварталы литовских городов, с хорошо продуманной планировкой зданий, бережно ухоженной средой. Там, где это возможно, сохранены сосны, во дворах сделаны защищенные от ветров детские площадки, проведены пешеходные и велосипедные дорожки. В свою очередь, облик литовских организаций часто сравнивался с поселками Куршской косы. Наверное, такое сходство вызывали красные черепичные крыши зданий, белый песок. Являются ли эти, часто в публикациях появляющиеся мотивы сравнения сибирской природы и Когалыма с Палангой, Куршской косой, новыми литовскими городами и пр., лишь красивым литературным оборотом, или за этим кроется что-то еще? Может, это попытка принять чужую суровую землю, и таким образом ее полюбить, прижиться на ней?

В основном фокус внимания публикаций, как и воспоминаний - на самих себе, литовской стороне. Контакты с другими прибалтийскими специалистами или местными жителями упоминаются фрагментарно, а если и упоминаются, то несут скорее всего позитивный, неконфликтный характер, даже если речь идет о «социалистическом соревновании». Литовским респондентам специально задавался вопрос о межнациональных отношениях, но все они отрицали какие-либо разногласия или распри, как отвергали и существование каких-либо этнических конфликтов/стереотипов при общении как между собой (коллективы литовских управлений были скомплектованы не только литовцами), так и с местными сибиряками. Своеобразное исключение – ханты, которые литовскими специалистами и посещавшими их корреспондентами воспринимались как явная экзотика.

Ханты в воспоминаниях и в публикациях литовских авторов появляются в контексте противопоставления прогресса и отставания: «раньше тут ханты пасли олени, рыбачили и охотились, а сегодня люди, взяв в помощь мощную технику, строят дороги, газопроводы» [Palionis, 1985, p. 1]. Хотя в статьях отдается дань идеологическому постулату «о советской власти, позволившей этому северному народу

одолеть голод, холод и нищету», но описываемые детали быта скорее говорят о противоположном. Например, в одной статье запущенная стоянка хантов описывается так: «Ограды связанные корнями деревьев, маленькие трущобы, построенные без единого гвоздя, с низкими отверстиями дверей, через которые можно втиснуться лишь наклонившись. Вместо окон – проемы без стекла и рамы. Внутри домика – черное пятно от очага, веющее холодом и негостеприимством. Поедешь дальше по тундре и через много километров наткнешься на другую такую же запущенную трущобу» [Malaušauskas, 1985, p. 3]. Очевидно, что такие условия быта шокировали гостей. Другой корреспондент, посетив чум хантов писал: «Теперь местных жителей увидишь редко, они переселились подальше от строительства». Он удивлялся бедным условиям их жизни, спрашивая себя, как можно растить детей без электричества и бытовых удобств, добавляя: «но туземцы чувствует особую любовь к природе и ее, наверное, не могли бы поменять ни на что другое» [Jankauskas, 1987, p. 2].

Несмотря на разные образы жизни и ментальность, удивительно то, что литовцам, кажется, удалось подружиться с хантами. Эта своеобразная дружба, наверное, началась с того, что дорожники ДСУ-12 однажды помогли вытащить в болоте застрявшую машину хантов. Потом ханты не раз обращались в медпункт управления за врачебной помощью [Juodytė, 1985, p. 2], им, единственным из посторонних, позволялось без ограничений делать покупки в литовском магазине [Janonytė-Jankauskienė, 2001, p. 102-104]. В ДСУ-12 даже был человек, неофициально ответственный за связи с хантами, его шутя называли «представителем по делам хантов». Возможно поэтому ханты и разрешали себя фотографировать литовским корреспондентам, были рады их принимать даже у себя дома, хотя не любили к себе приглашать чужих, особенно женщин [Kazlauskaitė, 1982, p. 5]. Такое теплое общение обоим сторонам было выгодно и экономически: ханты продавали ягоды, которые потом экспортировались в Литву, а литовцы привозили заранее заказанные продукты [Urbonas, 1986, p. 2] и пр. Можем ли эти проявления дружественности считать (неосознанной) солидарностью колонизированных, или ее поощряло обоюдное любопытство и интерес к «другим»? В глазах «прибалтов» образ хантов представлял двойственным: это человек, удаляющийся от цивилизации в глубь дикой тундры и не желающий иметь ничего общего с чужими; и туземец вынужденно принимающий от чужаков помощь (техническую, медицинскую, логистическую); и ассимилированный абориген, освоивший блага цивилизации, но заплативший за это потерей своей идентичности и традиционной культуры.

Цивилизационные и ментальные различия литовцев и сибиряков открываются и

через другие бытовые детали. Например, в книге Годы Янкаускене находим описание ее впечатлений от посещения когалымского кладбища. Автор пытается сохранить нейтральный тон, но чувствуется шок, который она испытала при виде запущенного и заваленного мусором места захоронений. Даже после того, как этому кладбищу со временем был придан более порядочный вид, рядом с ним устроили несанкционированную свалку [Janonytė-Jankauskienė, 2001, p. 54-55]. Ее возмущение понятно, ведь в литовской культуре кладбище – глубоко почитаемое и тщательно обихожное, почти сакральное место.

Память и наследие

В современной памяти жителей Когалыма прибалтийская тема сохраняется на двух уровнях: в публичном пространстве и в личных воспоминаниях. Мы уже упоминали, каким образом «прибалты», и литовцы в частности, репрезентированы в локации. Это происходит прежде всего через топонимику. Одна из центральных улиц города называется *Прибалтийская*, в поселке Прибалтийских строителей (бывший поселок ДСУ-12) есть улицы *Вильнюсская*, а также и *Рижская* и *Таллиннская*. Въезд в Прибалтийский поселок маркирован памятным знаком, на котором изображен герб Каунаса – зубр.

Казалось бы, одним из способов репрезентации и сохранения наследия «прибалтийского пребывания» должна выступить экспозиция в краеведческом музее. Однако и там их следы неотчетливы. В фондах музея есть фотографии литовских строителей и дорожников, однако в самой экспозиции подробной информации об этнической составляющей тех, кто строил город – нет.

В свою очередь публичная память в Литве, посвященная периоду освоения Тюменского севера также скрыта. Здесь причинами является то, что Сибирь (и Севера) для большинства жителей стран Балтии чаще всего ассоциируется с трагическим историческим опытом – ссылками повстанцев 1831 г. и 1863 г. и особенно со сталинскими депортациями и ГУЛАГом. По словам известного писателя Саулюса Шалтениса, для литовца на Земле есть три важных места – Родина, Сибирь и Чикаго. Позитивные образы этой части России в историческом сознании являются маргинальными или вовсе отсутствуют. «Освоенческая» тема в новейшей историографии стран Балтии остается неактуализированной (например, в исследованиях литовских историков о ней упоминается очень редко и лишь фрагментарно [Stravinskienė, 2017, p. 73-75; Tininis, 2017, p. 165-168], соответственно информация о работе «на Северах» чаще всего сохраняется в семейной памяти или же

об этом знает ближний круг участников событий.

«Литовский» (для когалымчан) или «Сибирский» (для «прибалтов» в целом) след остается только в личной памяти первопроходцев, и актуализируется при заострении внимания на этой теме. Также информация о литовцах («прибалтах») встречается в опубликованных воспоминаниях бывших жителей Когалыма. В рассказах когалымчан выделяется несколько основных тем, касающихся «прибалтов»: тема инаковости и «культурный образ жизни»; тема снабжения; и возможно лишь косвенно связанная с литовцами, но очень важная для горожан – тема строительства и благоустройства города.

Сами когалымчане транслируют образ «прибалтов» как носителей западной, более цивилизованной, культуры: *«Они жили по-западному, понимаете? Они привезли культуру вот эту в каком плане? У них сразу туалет тёплый на улицах появился. В домах не было, а на улице общий туалет тёплый, дорожки заасфальтированы, цветочки везде посажены. <...> У нас тоже цветочки в палисадниках росли у некоторых там в посёлке, вот. Но эти вот другую какую-то культуру привезли»* (Т.Г., жен., Когалым, сент. 2017 г.). Прочитированный отрывок относится к поселку СМП-1, в котором жили эстонцы. Но он легко распространяется на все прибалтийские временные поселки, т.к. в представлении жителей все представители республик Прибалтики легко объединялись под общим названием «прибалты».

Более того, их поселки могут описываться не как «маленький Запад», а даже как нечто сказочное: *«там вот прибалты, они установили свои посёлочки, у них снабжение своё было, всё это индивидуально, как мини-царство у них было»* (В.Л., жен., Когалым, сент. 2017 г.). Воспринимать сказочность образа можно двояко: как нечто прекрасное и потому неопишемое и одновременно как другое государство, т.е. автономный образ жизни.

В городе до сих пор помнят строителей из Прибалтики. Типичный нарратив воспроизводит В. Золотцев (бывший начальник узла связи): «Эстонцы и литовцы строили пятиэтажки, а латыши – многоподъездные девятиэтажки. Строили круглосуточно, в три смены, из своих материалов, их доставляли по железной дороге из Прибалтики. Строили достаточно быстро и качественно. Одной организацией в квартал сдавалась одна пятиэтажка (4-5 подъездов) под ключ и одна без отделки» [Золотцев, 2011, с. 219]. Хотя документы свидетельствуют о традиционных советских проблемах с соблюдением сроков строительства, но нужно отметить, что виноваты в этом были, прежде всего, не строители, а подрядчики, не подвозившие вовремя стройматериалы.

Первые дома в Когалыме были построены строителями из Каунаса. Сначала не

обошлось без технологических ошибок – первое построенное многоэтажное здание не выдержало холодов, поступили жалобы замерзающих жильцов, пришлось делать дополнительную теплоизоляцию. Одна из респонденток, участник общества *Первопроходец Когалыма* рассказывала, что: «Дома они строили как в Литве. Они забыли, что они на севере строят. **То есть холодные /дома/?** Да. И когда мы поселились на первый этаж ... в доме, который СМП-1 построил, /на/ Дружбы народов, 28, у нас вот такие вот глыбы льда на кухне висели. ... Потом они начали заделывать, ещё прибивать эти самые доски там, что-то такое сваркой заделывать. Утепляли, утепляли. Внешнюю сторону утепляли» (Т.Г., жен., Когалым, сент. 2017 г.). Но на этом горьком опыте были сделаны выводы. К северным условиям стали приспособлять стройматериалы, изготовленные на Каунасском домостроительном комбинате, улучшились сборочные и отделочные работы [Blēda, 1986, p. 5]. Журналисты упоминали, что новоселы получали не только ордера на квартиру, но и гарантийные паспорта, что предполагало исправление дефектов, выявленных в течении первых двух лет после заселения. Якобы такая инициатива возникла среди самих строителей – если уж строить, то только качественно. К сожалению, мы не знаем, были ли случаи обращения за исправлениями и как в целом жильцы относились к таким непривычным нововведениям. Никто из наших респондентов об этом не упоминал, даже как о слухе.

Надо иметь в виду, что за послесталинские годы сложилась традиция негласной конкуренции между эстонскими и литовскими архитекторами и проектировщиками за всесоюзное первенство в признании их мастерства в урбанистике и архитектуре [Drémaitė, 2017]. Не говоря об индивидуальных общественных зданиях, которые высоко ценились и помогли «прибалтам» завоевать неоспоримый авторитет в этой отрасли в СССР, можно упомянуть и их достижения в сфере массового строительства, которые отразились и в Когалыме. Этот авторитет помогла утвердить государственная премия, которую получили проектировщики первого «спального района» Вильнюса – Жирмунай (1968 г.), и Ленинская премия (1974 г.) за проектирование вильнюсского микрорайона Лаздинай, авторы которого прославились на весь Союз.

Существует своеобразный рейтинг престижности проектов, на которой до сих пор ориентируются когалымцы при покупке квартир. Наиболее престижными считались дома эстонской серии, затем латышские и литовские. Наименее популярны дома бакинского проекта.

Выводы

Описываемый нами кейс является примером парадокса памяти – память о жизни в северном городе не является травматичной, поэтому она почти не воспроизводится в публичном дискурсе и оказалась подверженной забвению. Наши материалы свидетельствуют, что воспоминания о литовских/прибалтийских следах на Тюменской земле сочетают коммуникативную и материальную память, т.к. переход данного пласта памяти в поле более стабильной и долгострочной культуры воспоминаний еще не произошел, и, по ряду разных причин, наверное, еще не скоро или вовсе не начнется.

В свою очередь «Когалымский проект», когда-то бывший предметом гордости и похвалы, для нынешнего литовского общества остается почти неизвестным или вызывает противоречивые эмоции, связанными с трудностями определения его оценки. Он никак не вписывается в доминирующий нарратив «борьбы и страданий», скорее наоборот, может вызвать отрицание из-за чересчур позитивного и бесконфликтного образа позднесоветского периода. Поэтому остается на узколокальном уровне – в среде людей, которые по частной инициативе пытаются сохранить эту, все более ослабевающую память, поддержания общности литовских *sibiriečiai* (сибиряков) во время личных встреч или через переписку.

Для когалымчан память о прибалтийских строителях также остается не востребовавшей и почти забытой. В чем причины такого забвения? Можно утверждать, что здесь нет осознанной политической амнезии – скорее, мы наблюдаем смену отношения городских властей и градообразующих предприятий к разным этапам существования Когалыма. Сейчас он позиционируется как город нефтяников и поэтому предыдущий этап его развития менее заметен. Этот тезис подтверждается местными СМИ. Например, вот с таким заголовком вышла еженедельная городская газета «Когалымский вестник» в августе 2007 г.: «С днем рождения, город юности, город нефтяников». Об этом же вспоминают и первопроходцы, первые строители и жители бывшего поселка Когалымский: *«Я вот считаю, что официально везде звучит у нефтяников: "Мы не делим никого на нефтяников и не-нефтяников". <...> Но факт остаётся фактом, что официально мы все вроде нефтяники»* (Т.Г., жен., Когалым. сент. 2017 г.). А из-за того, что коллективная публичная память не заинтересована в сохранении следов, а личная для большинства горожан не имеет собственных воспоминаний, то память постепенно угасает, стирается.

Мы можем предполагать, что актуализация совместной истории поможет преодолеть посттравматический синдром, при котором история преподносится только в негативном или трагическом виде. Для этого есть все предпосылки. С одной стороны, пребывание среди другой/иной культуры укрепляло национальную идентичность и

подкреплялось гордостью за свою родину и свою культуру, но с другой – в нарративах постоянно присутствуют сюжеты о совместном досуге и отсутствии непреодолимых различий между людьми разных национальностей. Это и понятно, ведь все первые жители Когалыма относились к поколению, родившемуся уже в Советском Союзе и получившему свою долю советизации, усвоив язык, нормы и практики, характерные для всего советского общества.

Список сокращений

ДСУ – дорожно-строительное управление
ПМК – передвижная механизированная колонна
ОРС – отдел рабочего снабжения
УРС – управление рабочего снабжения
СУ – строительное управление
СМП – строительномонтажный поезд

Примечания

1. Стихотворение Г.Боймиструк было опубликовано: Juodytė Gražina, Tiumenės meridianuose. 10. Galina – entuziastė. *Tarybinė Klaipėda*, 1985, nr. 9, p. 2.
2. Статус города Когалым получил в 1985 г., а плановое строительство началось в 1980 г.
3. Мы сознательно используем слово «прибалт(ы)» в кавычках, т.к. в лексиконе жителей стран Балтии это слово имеет скорее негативную коннотацию, поскольку этнически, лингвистически, исторически, культурно и конфессионально литовцы, латыши и эстонцы имеют мало общего и никогда не имели единой идентичности. Сам термин «прибалт(ы)» появился довольно поздно, в контексте советизации этих территорий. При этом прилагательное «прибалтийский», напр. «прибалтийские республики» такого оттенка не имеют.
4. Используя этнонимы «литовцы», «эстонцы» и «латыши» в данном случае мы имеем в виду жителей Прибалтийских республик разных национальностей, ориентируясь на «место приписки» их организаций.
5. Уточним, что тема северных/сибирских миграций российскими исследователями, прежде всего географами и социологами, разрабатывается весьма активно. Но их интересует прежде всего постсоветский период. [Например, см. *Мкртчян*, 2004; *Ефремов*, 2016]. Историки предпочитают изучать иностранную миграцию или трудовую миграцию связанную с периодом Большого террора [Например, *Переселенческое общество ...*]. Тогда как 1970-е-80-е годы пока еще остаются вне исследовательских интересов.
6. Авторы проекта: Альфонсас Шульскис и замначальника ДСУ-12 Беняминас Издунис.
7. В статьях часто сравнивается сибирская и литовская природа, болота в окрестностях Когалыма – с известным природным резерватом Чяпкелий на юге Литвы и т.д.
8. В городе Чикаго проживает самая большая литовская диаспора за пределами Литвы.

Библиографический список

- Assmann J.* Communicative and Cultural Memory. // *Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook*, Astrid Erll, Ansgar Nünning (Hg.), Berlin, New York 2008, p. 109-118.
- Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992, 344 S.
- Astrauskas G.* Kogalymo eskizai. Striuka geo-etnologinė įžangėlė. // *Šluota*, 1983, nr. 21, p. 7.
- Barbaravičius M.* Sparčiosiose Sibiro statybose. 6. Jeigu nori cepelinų. // *Lenino vėliava*, 1981 m. nr. 146, p. 4.
- Barbaravičius M.* Taiga traukiasi. // *Lenino vėliava*. 1981, nr. 143, p. 7.
- Blėda S.* Vakarų Sibiro reportažai II. Marytės Melnikaitės gatvė. // *Tiesa*, 1986 m., nr. 93, p. 2.
- Blėda S.* Vakarų Sibiro reportažai IV. Miestui – penki mėnesiai... // *Tiesa*, 1986, nr. 95, p. 5.
- Bučas J.* Palikimas ar paveldas? // *Naujasis dienovidis*, 1993, nr. 17, p. 6-7.
- Harrison R.* Heritage. The Critical approaches. London: Routledge, 2012, 288 p.

- Drėmaitė M.* Baltic Modernism. Architecture and Housing in Soviet Lithuania. Vilnius: Lapas, 2017, 319 p.
- Jankauskas R.* Žemaitis Vytautas, Sibiro reportažai 3. Namai taigoje. // Tiesa, 1987, nr. 7, p. 2.
- Jankauskas R.* Žemaitis Vytautas, Žmonės ir žemės gelmės. // Tiesa, 1987, nr. 5, p. 2.
- Janonytė-Jankauskienė G.* Kelias. Jonava: Dobilas, 2001. 195 p.
- Juodytė G.* Lietuviška mokykla Sibire. // Tarybinė Klaipėda, 1985, nr. sausio 10 d., p. 4.
- Juodytė G.* Tiumenės meridianuose. 3. Žmogus grūdinasi darbe. // Tarybinė Klaipėda, 1985, nr. 2, p. 2.
- Juodytė G.* Tiumenės meridianuose. 9. Lietuviška mokykla Sibire. // Tarybinė Klaipėda, 1985, nr. 8, p. 2.
- Juodytė G.* Tiumenės meridianuose. 11. Susitikimai su chantais. // Tarybinė Klaipėda, 1985, nr. 10, p. 2.
- Kazlauskaitė G.* Rūsti Šiaurės romantika. // Vakarinės naujienos, 1980, nr. 222, p. 4.
- Kazlauskaitė G.* Sibiro reportažai. 3. Du susitikimai. // Vakarinės naujienos, 1982, nr. 87, p. 5.
- Kudarauskaitė M.* Trasa per taigą. // Tiesa, 1985, nr. 182, p. 2.
- Leniaud J.-M.* L'Utopie française. Essai sur le patrimoine. Paris: Menges, 1992, 180 p.
- Malašauskas J.* Kelias tundroje. // Tarybinė Klaipėda, 1985, spalio 5 d, p. 3.
- Marcinkevičius A., Ščiavinskis V.* Sibiritiškas stalas. // Kooperatininkas, 1986, nr. 4, p. 12-13.
- Palionis A.* Lietuvos statybininkai Vakarų Sibire. // Tiesa, 1985, 02, 10, p. 1.
- Stravinskienė V.* Lietuvos gyventojai organizuotose darbo migracijose į SSSR: XX a. 6-9-tasis dešimtmečiai. // Genocidas ir rezistencija, 2017, nr. 42, p. 73-75.
- Tininis V.* Pirmtako šešėlyje. Biografinė apybraiža apie Sovietų Lietuvos vadovą Petrą Griškevičių (1924-1987). Vilnius: LGRTC, 2017.
- Szejnberg M.* Z tiumeńskogo notesu. 1. Kogałym patzhy w przyszłość. // Czervony sztandar, 1985, 31 sierpnia, s. 3.
- Szejnberg M.* Z tiumeńskogo notesu. 2. 124 kilometry litewskiej drogi. // Czervony sztandar, 1985, 1 września, s. 3.
- Tininis V.* Pirmtako šešėlyje. Biografinė apybraiža apie Sovietų Lietuvos vadovą Petrą Griškevičių (1924-1987). Vilnius: LGRTC, 2017, 247 p.
- Urbonas A.* Keliai nubėga į Šiaurę. 7. Susitikimai su chantais. // Vakarinės naujienos, 1986 m., kovo 1 d., p. 2.
- Urbonas A., Vėlyvis J.* Vakarų Sibiro reportažai. Laukia cheminis karas taikos sąlygomis? // Vakarinės naujienos, 1987, nr. 188, p. 2.
- Аганов М.Г., Клюева В.П.* «Север зовет!»: опыт историко-антропологического анализа мотива «Северное притяжение» // Сибирские исторические исследования. 2018. № 4. С. 6-24.
- Артемова А., Рачева Е.* 58-я. Незыбтое. М.: АСТ, 2018, 386 с.
- Гаврилова Н.Ю.* Развитие торговли в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири (1960–1980-е) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2015. Иркутск, 2015. С. 200-205.
- Гареева Н.* Растет и хорошеет Когалым. // К победе коммунизма, 1985, 7 сентября, с. 3.
- Дорога к нефтяным кладовым. Рекламный проспект на русском и литовском языках. Вильнюс: Экспериментальное художественно-конструкторское бюро, 1985, 52 с.
- Ефремов И.А.* Современные миграционные процессы на Крайнем Севере России // Регионология. 2016. №4 (97). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-migratsionnye-protsessy-na-kraynem-severe-rossii> (дата обращения: 18.04.2019)
- Зубкова Е.* Прибалтика и Кремль, 1940-1953. М.: РОССПЭН, 2008, 350 p.
- Каган Я.М.* Города нефтяников // Нефть в СССР. 1917-1987. М.: Недра, 1987, 384 с.
- Клюева В.П.* Тюменский Север как выбор: режимы оправдания «новых северян» // Сибирь: контексты настоящего. Иркутск, 2016. С. 197-209.
- Когалым – транзит: невыдуманные истории. М, 2011, 270 с.
- Когалымский вестник. № 35 (178) от 31.08. 2007.
- Мкртчян Н.В.* «Западный дрейф» внутрироссийской миграции // Отечественные записки. 2004. № 4 (19). Стр. 94-104. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/4/zapadnyy-dreyf-vnutrirossiyskoy-migracii> (дата обращения: 18.04.2019)
- Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Иркутск: «Оттиск», 2013. 624 с.
- Петрушин А.А.* Пароль «Когалым». Тюмень: ОЛМАПРЕСС, 2015. 224 с.
- Рикер П.* Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004, с. 573.

- Роменский А., Чернышев Ю. Так рождаются города. 3. Аисты не улетают. // Тюменская правда, 1985, № 232, с. 6.
- Стась И.Н. Дрейф этничности в процессе нефтегазового освоения и урбанизации Ханты-Мансийского округа (1960-1980-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 134–140.
- Стась И.Н. От поселков к городам и обратно: История градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960-е – начало 90-х гг.). Сургут: Дефис, 2016. 258 с.
- Туманов В. Сибирский клад. // Советская Литва, 1981, но. 181, с. 4.
- Фистик З.А. Мой Когалым - мой дом, моя судьба. // Архивы Югры. 2006. № 5. С. 92.
- Чепайтене Р. Восприятие советской эпохи в современной Литве. Прошлый век 1: Сб. науч. тр. (ред. кол.: Миллер А.И., гл. ред., и др.), М.: РАН, ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. полит. Науки, 2013, с. 241-276.
- Чепайтене Р. Стратегии и проблемы охраны наследия тоталитарных режимов. // Вестник Пермского университета. История, 2016, Выпуск 2 (33), с. 14-27.

“LITTLE LITHUANIA” IN THE MIDDLE OF THE LARGE TYUMEN SWAMPS: REPRESENTATIONS, MEMORY, HERITAGE

V. Klyueva

Tyumen Scientific Centre SB RAS, Institute of the problems of Northern development,
Tyumen, Maligina 86, Russia
vormpk@gmail.com

R. Čepaitienė

Lithuanian Institute of History, Vilnius, Kražių 5, Lithuania
geokdepe@gmail.com

For much of the Baltic population, Siberia is primarily associated with tragic historic experiences, such as the exile of participants in the anti-tsarist uprisings of 1831 and 1863–1864, and the Stalinist deportations in particular, and as a location of GULAGs. More positive images of this part of Russia are left on the sidelines of historic consciousness, or are lacking altogether. In this way, there is no room for a more neutral analysis of the processes underway in the post-Stalinist period in narratives where “struggle and suffering” motives dominate, not to mention any considerations of the experience of cooperation, mutual assistance and basic human friendliness. Labour migration in the Soviet period remains rather overlooked even in the latest historiography coming from the Baltic countries, and in contemporary Russian offerings. Examples are, if in the latter the theme of Siberian urbanization determined by oil and natural gas extraction had been rather thoroughly examined, then the ethnic aspect of this process still remains a *tabula rasa* to researchers. Taking this into account, the *aim of our research* is to try to reconstruct the historic events related to representatives from the Baltic republics, mostly Lithuanians, specifically, their participation in the creation of the West Siberian oil-natural gas complex and the construction of Kogalym city in the 1980s–1990s.

The paper is based on various written and visual, archival and published material, mostly related to the Baltic-built labourers' settlements built near the city of Kogalym, in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug (Yugra), urban and social history, and on the activities of two Lithuanian companies – No. 12 of the Road Construction Board (Lith: KSV-12, Russian: ДСУ-12), which was especially founded under the Car and Road Transport Ministry to extend the road infrastructure in West Siberia, and Construction Installation Platform no. 1 of the Kaunas Residential Construction Manufacturer.

The main motive that brought the Balts to West Siberia to build the city of Kogalym and create the region's infrastructure was material and pragmatic: here they would receive high salaries, and upon their return they could expect various concessions. The Baltic workers who participated in the creation of the Tyumen oil and natural gas extraction complex sought to reconstruct unique “models” of their faraway homelands within their board territories, which the locals most likely sensed were “different” and “European”. Lithuanian specialists in Siberia successfully created an autonomous oasis of Lithuanian life and activity, which they not only nurtured but also tried to pass on (through common work and life, by maintaining regular contact with Lithuania, raising their children in the Lithuanian

way at their own kindergarten and primary school, marking traditional celebrations, etc.). For the other residents of Kogalym, the “Balts” looked “different”, not like the rest of the people. The Lithuanian respondents highlighted that they “brought civilization to these wild lands” (the first greenhouses and swimming pool in the region). They are also characterized by a “heroic-pioneer” narrative, typically found in the narratives of other West Siberian “conquerors”. Ultimately, it was the specific experience of living in the North that formed the collective “Siberian” identity among the Balts, which remained even once they had returned to their homelands.

Keywords: Labor migration, Communicative and Cultural Memory, Urban studies, Lithuania, Tyumen North

References

- Agapov M.G., Klyueva V.P. «Sever zovet!»: opyt istoriko-antropologicheskogo analiza motiva «Severnoe prityazhenie» // *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2018. № 4, S. 6-24.
- Artem'eva A., Racheva E. 58-ya. Neiz'yatoe. M.: AST, 2018, S. 230.
- Assmann J. Communicative and Cultural Memory. // *Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook*, Astrid Erll, Ansgar Nünning (Hg.), Berlin, New York 2008, p. 109-118.
- Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992, 344 S.
- Astrauskas G. Kogalymo eskizai. Striuka geo-etnologinė įžangėlė. // *Šluota*, 1983, nr. 21, p. 7.
- Barbaravičius M. Sparčiosiose Sibiro statybose. 6. Jeigu nori cepelinų. // *Lenino vėliava*, 1981 m. nr. 146, p. 4.
- Barbaravičius M. Taiga traukiasi. // *Lenino vėliava*. 1981, nr. 143, p. 7.
- Blėda S. Vakarų Sibiro reportažai II. Marytės Melnikaitės gatvė. // *Tiesa*, 1986 m., nr. 93, p. 2.
- Blėda S. Vakarų Sibiro reportažai IV. Miestui – penki mėnesiai... // *Tiesa*, 1986, nr. 95, p. 5.
- Bučas J. Palikimas ar paveldas? // *Naujasis dienovidis*, 1993, nr. 17, p. 6-7.
- Chepaitene R. Strategii i problemy okhrany naslediya totalitarnykh rezhimov. // *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija*, 2016, Vypusk 2 (33), s. 14-27.
- Chepaitene R. Vospriyatie sovetskoi epokhi v sovremennoi Litve. Proshlyi vek 1: Sb. nauch. tr. (ped. kol.: Miller A.I., gl. red., i dr.), M.: RAN, INION, Tsentr sotsial. nauch.-inform. issled., Otd. polit. Nauki, 2013, c. 241-276.
- Doroga k neftyanym kladovym. Reklamnyi prospekt na russkom i litovskom yazykakh. Vil'nyus: Eksperimental'noe khudozhestvenno-konstruktorskoe byuro, 1985, 52 c.
- Drėmaitė M. Baltic Modernism. Architecture and Housing in Soviet Lithuania. Vilnius: Lapas, 2017, 319 p.
- Efremov, I.A. (2016) Sovremennye migratsionnye protsessy na Krainem Severe Rossii // *Regionologiya*. 2016. №4 (97). available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-migratsionnye-protsessy-na-kraynem-severe-rossii> (accessed: 18.04.2019)
- Fistik Z.A. Moi Kogalym - moi dom, moya sud'ba. // *Arkhivy Yugry*. 2006. № 5. S. 92.
- Gareeva N., Rastet i khorosheet Kogalym. // *K pobede kommunizma*, 1985, 7 sentyabrya, s. 3.
- Gavrilova N.Yu. Razvitie trgovli v neftegazodobyvayushchikh raionakh Zapadnoi Sibiri (1960–1980-e) // *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik*. 2015. Irkutsk, 2015. S. 200-205.
- Harrison R. Heritage. The Critical approaches. London: Routledge, 2012, 288 p.
- Jankauskas R. Žemaitis Vytautas, Sibiro reportažai 3. Namai taigoje. // *Tiesa*, 1987, nr. 7, p. 2.
- Jankauskas R. Žemaitis Vytautas, Žmonės ir žemės gelmės. // *Tiesa*, 1987, nr. 5, p. 2.
- Janonytė-Jankauskienė G. Kelias. Jonava: Dobilas, 2001. 195 p.
- Juodytė G. Lietuviška mokykla Sibire. // *Tarybinė Klaipėda*, 1985, nr. sausio 10 d., p. 4.
- Juodytė G. Tiūmenės meridianuose. 11. Susitikimai su chantais. // *Tarybinė Klaipėda*, 1985, nr. 10, p. 2.
- Juodytė G. Tiūmenės meridianuose. 3. Žmogus grūdinasi darbe. // *Tarybinė Klaipėda*, 1985, nr. 2, p. 2.
- Juodytė G. Tiūmenės meridianuose. 9. Lietuviška mokykla Sibire. // *Tarybinė Klaipėda*, 1985, nr. 8, p. 2.

Kagan Ya.M. Goroda neftyanikov // *Neft' v SSSR. 1917-1987*. M.: Nedra, 1987. 384 S.

Kazlauskaitė G. Rūsti Šiaurės romantika. // *Vakarinės naujienos*, 1980, nr. 222, p. 4.

Kazlauskaitė G. Sibiro reportažai. 3. Du susitikimai. // *Vakarinės naujienos*, 1982, nr. 87, p. 5.

Klyueva V.P. Tyumenskii Sever kak vybor: rezhimy opravdaniya «novykh severyan» // *Sibir': konteksty nastoyashchego*. Irkutsk, 2016. Pp. 197-209.

Kogalym – tranzit: nevydumannyye istorii. M, 2011, 270 S.

Kogalymskii vestnik. № 35 (178) ot 31.08. 2007.

Kudarauskaitė M. Trasa per taigą. // *Tiesa*, 1985, nr. 182, p. 2.

Leniaud J.-M. L'Utopie française. Essai sur le patrimoine. Paris: Menges, 1992, 180 p.

Malašauskas J. Kelias tundroje. // *Tarybinė Klaipėda*, 1985, spalio 5 d, p. 3.

Marcinkevičius A., Ščiavinskas V. Sibirietiškas stalas. // *Kooperatininkas*, 1986, nr. 4, p. 12-13.

Mkrtchyan N.V. «Zapadnyi dreif» vnutrirossiiskoi migratsii // *Otechestvennyye zapiski*. 2004. № 4 (19). Str. 94-104. available at: <http://www.strana-oz.ru/2004/4/zapadnyy-dreyf-vnutrirossiyskoy-migracii> (accessed: 18.04.2019)

Palionis A. Lietuvos statybininkai Vakarų Sibire. // *Tiesa*, 1985, 02, 10, p. 1.

Petrushin A.A. Parol' «Kogalym». Tyumen': OLMAPRESS, 2015. 224 p.

Riker P. Pamyat', istoriya, zabvenie. M.: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury, 2004, 573 s.

Romenskii A., Chernyshev Yu. Tak rozhdayutsya goroda. 3. Aisty ne uletayut. // *Tyumenskaya pravda*, 1985, №. 232, S. 6.

Stas' I.N. Dreif etnichnosti v protsesse neftegazovogo osvoeniya i urbanizatsii Khanty-Mansiiskogo okruga (1960-1980-e gg.) // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 414. Pp. 134–140.

Stas' I.N. Ot poselkov k gorodam i obratno: Istoriya gradostroitel'noi politiki v Khanty-Mansiiskom okruge (1960-e – nachalo 90-kh gg.). Surgut: Defis, 2016. 258 S.

Stravinskienė V. Lietuvos gyventojai organizuotose darbo migracijose į SSSR: XX a. 6-9-tasis dešimtmečiai. // *Genocidas ir rezistencija*, 2017, nr. 42, p. 73-75.

Szejnberg M. Z tiumeńskogo notesu. 1. Kogalym patzhy w przyszłość. // *Czerwony sztandar*, 1985, 31 sierpnia, s. 3.

Szejnberg M. Z tiumeńskogo notesu. 2. 124 kilometry litewskiej drogi. // *Czerwony sztandar*, 1985, 1 września, s. 3.

Tininis V. Pirmtako šešėlyje. Biografinė apybraiža apie Sovietų Lietuvos vadovą Petrą Griškevičių (1924-1987). Vilnius: LGGRTC, 2017, 247 p.

Tumanov V. Sibirskii klad. // *Sovetskaya Litva*, 1981, no. 181, s. 4.

Urbonas A. Keliai nubėga į Šiaurę. 7. Susitikimai su chantais. // *Vakarinės naujienos*, 1986 m., kovo 1 d., p. 2.

Urbonas A., Vėlyvis J. Vakarų Sibiro reportažai. Laukia cheminis karas taikos sąlygomis? // *Vakarinės naujienos*, 1987, nr. 188, p. 2.

Zubkova E. Pribaltika i Kreml', 1940-1953. M.: ROSSPEN, 2008, 350 p.

Стихи о «Когалымском проекте» в литовской прессе 1980-х годов
(дословный перевод с литовского Р. Чапайтене)

Gediminas Astrauskas Kogalymo eskizai Striuka geo-etnologinė įžangėlė Kai dievai planetą kūrė, Sako, šičia buvo jūrė. Žemė sukos, jūrė slinko – Nukeliavo Šiaurės linkui. Ir paliko šitas plotas Smėliuku baltai nuklotas. Iš malūnsparnio dairais – žėri kraštas ežerais. Prakraščiais – uogynai želia, Pušelaītės ir berželiai. O žuvų! O grybės, grybės – Nemačiau tokios galybės! Ežerėliai, baltas smėlis... Palanga! Malonumėlis! Išsirenk, atrodo, gulkis... Stok! Palauk, nebūki mulkis – Susiprasi per vėlai, Kai sukandžios mašalai. O čionai juk dirbti reikia... Niekas tų velnių neveikia – kvepalai nei tepalai. Oi, žmogėdros mašalai! Kam kamuotis šičia? Kam tai? Bet gyveno žmonės – chantai. Pelkėje šitoj didžiojoj Jie žvejojo ir medžiojo. Ganės gausios elnių bandos Ir su jais draugavo chantas. Koks puikus tas šiaurės elnias! Kailis šiltas, akys švelnios. Elnias chantą per pelkyną Veža, rėdo ir maitina. Ilgesys pagauna chantą – jis į nartas kraunas mantą Susodina ten šeimyną Ir važiuoja pas kaimyną, Kaip neaplankyti draugelio? Netoli – trys dienos kelio... Bočius keitė ainis, ainė Amžiais niekas nesimainė, Kol čia buvo atrasta Po smėliu – brangi NAFTA! „Šluota“, 1983, nr. 21, lapkritis, p. 7.	Гедиминас Астраускас Когалымские эскизы Краткое гео-этнологическое введение Когда боги создавали планету, Говорят, тут было море. Земля кругом шла, море двигалось – Пошла на Север. И осталось это пространство Белым песочком покрыто. Когда смотришь с верталета – блестит край озерами. В побережьях растут ягодники, Сосночки и березки. А рыб! А грибов, грибов - Невидал такой мощи! Озерышки, белый песок... Паланга! Благодать! Казалось бы, раздевайся и ложись... Стой! Подожди, небудь лошарой – Поймешь слишком поздно, Когда закусает мошкара. А тут ведь работать надо... Ничто не действует на этих чертей – ни духи, ни смазка. Ох, людоедка мошкара! Для чего же тут страдать? Но тут жили люди – ханты. В этом болоте великом Они рыбачили и охотились. Паслись изобильные стада оленей И с ними дружил хант. Какой прекрасный этот северный олень! Теплая шкура, нежные глаза. Олень через болото ханта Везет, одевает и кормит. Тоска охватывает ханта – он в нарты собирает свое добро Садит туда семейство И едет к соседу, Как же не навестить дружка? Недалеко – три дня пути... Предков меняли предки Веками ничто не менялось, Пока тут не была найдена Под песком – дорогая НЕФТЬ! Сатирический журнал «Шлуота» (Метла), 1983, ноябрь, но. 21, с. 7.
--	--

Galina Boimistruk Nutolo gelsvas jūros krantas Ir Lietuvos laukai žali. Išskrido Sibiran desantas. Išskrido nuo šeimų toli. Čia laukia jų taiga laukinė. Čia šaltis tyko jų nuožmus, Tačiau tvirtai vaikinai žino – Jie pastatys čionai namus. Per žiemą speigas veidus gildė. Kvatojos pūgos, viesulai. Tačiau kvartalai ėmė kilti. Čia miestas augo atkakliai. Audroms praūžus, nugarmėjus, Nubudo lapija žalia. Apaugo Kogalymo smėlis Gaivia lietuviška žole. Prabėgo ketvertas jau metų. Iškilo miestas virš taigos. Mes nutiesėm čia kelią platų. Jau greitai grįšim atgalios. Namie, statybas prisiminę, Gal atsidusime vos vos, O čia paliksim atminimui Dalelę savo Lietuvos.	Галина Боймиструк Отдалился желтоватый берег моря И луга зеленые Литвы. Улетел в Сибирь десант. Улетел от семей далеко. Тут их ждет тайга дикая. Тут подстерегает их лютый мороз, Но твердо знают парни – Они строят тут дома. Зимой их лица стужа накрывала. Хохотали метели и вихри. Но кварталы стали подниматься. Тут город рос упрямо. Отшумели, прокатились бури, Проснулась зеленая листва. Зарос когалымский песок Живительной литовской травой. Пробежало четыре уж года. Вырос город над тайгой. Мы проведем тут широкую дорогу. Уж скоро вернемся назад. Дома, вспомнив строительство, Может чуть-чуть вздохнем, А тут оставим на память Часть своей Литвы. Статья о строителе Галине Боймиструк и ее стихотворение были опубликованы: Juodytė Gražina, Tiumenės meridianuose. 10. Galina – entuziastė. Tarybinė Klaipėda, 1985, nr. 9, p. 2.
--	--

Gediminas Astrauskas Prie Ingu-Jagūno Striksi ant tako lietuviškos kielės. Kokios čia laukiamos, kokios mielos, nesupranti, kaip jos čionai atsikrausto. Taip jas čia myli – paukštmušiai raustų! Niekas nėra sutvėrimo paspyręs, nei akmens metęs – jisai toks pat kogalymietis, gal net pirmametis... Užteks visiems tose platybėse vietos. Vėliava virš vagonėlio. Vadinasi „Posiolksovetas“. Žemėlapiuose miesto nėra. Bet gimsta, ne miestas – kurortas! Šit ragana joja ant šluotos – pirtis. Šit halė – „Sportas“... Ne, čia dar tik gyvenvietė. Statytojai čia gyvena,	Гедиминас Астраускас У Ингу-Ягуна Прыгают на тропе Литовские трясогузки. Какие желанные, какие милые, Не поймешь, как они тут оказались. Так их тут любят - птицогубы бы краснели! Никто твари не пнет, ни камнем ударит – она такая же когалымчанка, может, даже первопроходка... Всем хватит места в этих просторах. Флаг над вагончиком. Называется «Поселксовет». На картах города еще нет. Но рождается, не город – курорт! Вот ведьма скачет на метле – баня. Вот зал – «Спорт»... Нет, тут еще только поселок. Строители тут живут,
---	---

„Krazai“ galingi kirbinėm plokštes gena. Ten, kur penktame kilometre į kairę pasuka, auga tikrasis miestas. Lyg pasaka. Sako, šiais laikais stebuklų nebūna. Štai jis – stebuklas pakrantėj Ingu-Jagūno! Čia daugiaaukščiai vitrinomis šviečia. Latviai pastatė. Darželį – ukrainiečiai. Auga fasadas naujos mokyklos. Iš pelkės kyla Betonas, stiklas... O čia namai jau lietuviški. Monų monai! Už stiklo žydi gėlėmis balkonai! Težydi gėlės Visur prie langų – kaip tautų draugystė pakrantėj Ingu! „Šluota“, 1983, nr. 21, lapkritis, p. 7.	«Кразы» мощные штабелями плиты везут. Там, где на пятом километре на лево поворачивают, настоящий город растет. Как сказка. Говорят, в наши времена чудес не бывает. Но вот оно – чудо на берегу Ингу-Ягуна! Тут многоэтажки витринами блещут. Латыши построили. А садик – украинцы. Ростет фасад новой школы. Из болота поднимаются бетон и стекло... А тут уж литовские дома. Чудеса да и только! За стеклом балконы цветут цветами! Пусть цветут они езде на подоконниках – как дружба народов на берегу Ингу! Сатирический журнал «Шлуота» (Метла), 1983, ноябрь, но. 21, с. 7.
---	--